

В.Г. НЕМИРОВСКИЙ, В.С. ПОЛОВИНКО

ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделением социологии и общественных связей, Сибирский федеральный университет (Красноярск) (E-mail: valnemirov@mail.ru); ПОЛОВИНКО Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и социологии труда Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (E-mail: pw3@mail.ru).

Аннотация. В статье приводятся и анализируются ключевые показатели Сибирского федерального округа (СФО), характеризующие социокультурную компоненту его модернизации. Авторы приходят к выводу, что модернизация осуществляется неравномерно в различных регионах Сибири. До сих пор данный макрорегион выступает главным образом ресурсной кладовой, возможности которой мало реализуются в самом регионе, что делает вероятной его модернизационную рецессию. Приведен вариант поэтапной стратегии интегрированной модернизации регионов СФО.

Ключевые слова: модернизация • компоненты модернизации • состояния (типы) модернизированнойности регионов • Сибирский федеральный округ

Общая характеристика округа. СФО занимает территорию площадью 5114,8 тыс. кв. км (30% территории Российской Федерации). В округ входят: четыре республики – Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия; три края – Алтайский, Забайкальский, Красноярский; пять областей – Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская. На конец 2012 г. численность населения составила 19 278 тыс. чел. (13,4% населения РФ), увеличившись с 2010 по 2012 гг. на 26 тыс. чел. (менее 0,1% по сравнению с 0,2% в России). Плотность достаточно низка, составляет 3,7 чел. на 1 кв. км. Высокий уровень урбанизации (доля городского населения – 72%) [Паспорт СФО, 2014].

Демографическая нагрузка на конец 2012 г. – 663 человека на 1000 чел. трудоспособного населения, что на 7,4% больше, чем в 2010 г., и выше общероссийского показателя за аналогичный период (6,0%). Ожидаемая продолжительность жизни в 2012 г. – 70 лет (на 2,25 года меньше общероссийской). В целом СФО продолжает занимать по данному показателю предпоследнее место среди федеральных округов, опережая только Дальневосточный ФО (67,0 лет в 2012 г.).

Валовый региональный продукт (ВРП) в 2011 г. составлял 10,6% ВВП России. Доля округа в общем объеме промышленного производства РФ в 2001 г. – 12,4%. В 2011 г. наибольший показатель ВРП на душу населения принадлежал Красноярскому краю (на 24,5% превышая среднероссийский показатель), наименьший – Тыве. Весьма низкими показателями отличались также Республика Алтай и Алтайский край. Отметим также, что существует противоречие между высоким экономическим и природно-ресурсным потенциалом большинства регионов, с одной стороны, и неадекватным этому уровнем их модернизации и её перспективами – с другой.

Стадии и фазы модернизации регионов Сибирского ФО. К 2010 г. десять из 12 регионов СФО оставались на стадии первичной модернизации (см. табл.). Четыре

Динамика модернизованности регионов Сибирского федерального округа
(на основе интегрированных индексов и их субиндексов, 2000–2010 гг.)

Регионы	Динамика состояний типов			Интегрированные индексы, ИИСБ			
				значение ИИСБ	уровень ИИСБ	субиндексы ниже ИИМ	субиндексы выше ИИМ
	2000	2005	2010	2010 г.			
Вторичная (информационная) стадия модернизации (6) Стагнация ВМ (тип 4, фаза начала). Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Кемеровская обл.	4	4	4	0,152	Н	эк., зн.	соц.
(5) Неустойчивость ВМ (между типами 3 и 4). Отстает экономическая составляющая							
Томская обл.	3	4	3	0,175	Н	эк.	соц., зн.
Быстрый переход к ВМ (к типу 5, фаза роста). [В целом РОССИЯ] Опережает социальная составляющая							
РОССИЯ	3	3	5	0,540	ВС	эк., зн.	соц.
Первичная (индустриальная) стадия модернизации (4) Стагнация зрелой ПМ (тип 3, фаза зрелости). Отстает экономическая составляющая							
Новосибирская обл.	3	3	3	0,300	НС	эк.	соц., зн.
(3) Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, фаза зрелости). [В целом СФО] Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Красноярский край	2	2	3	0,268	НС	эк., зн.	соц.
Сибирский ФО	2	2	3	0,257	НС	эк., зн.	соц.
Иркутская обл.	2	2	3	0,222	НС	эк., зн.	соц.
Омская обл.	2	2	3	0,193	НС	эк., зн.	соц.
(2) Заторможенное повышение ПМ (к типу 2, фаза роста). Отстает когнитивная составляющая							
Тыва	1	1	2	0,278	НС	зн.	эк., соц.
(1) Застой ПМ (типы 1, 2; фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие							
Бурятия	2	2	2	0,267	НС	эк., зн.	соц.
Забайкальский край	2	2	2	0,169	Н	эк., зн.	соц.
Хакасия	2	2	2	0,145	Н	эк., зн.	соц.
Алтайский край	1	1	1	0,213	НС	эк., зн.	соц.
Алтай	1	1	1	0,485	ВС	эк., зн.	соц.

Примечание. ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный, или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – “выше” или “ниже”. Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Таблица построена с помощью информационной системы “Модернизация” (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

из них (Красноярский край, Новосибирская, Иркутская и Омская области) достигли третьей ее фазы (зрелости). Кемеровская и Томская области уже поднялись на стадию вторичной модернизации, в начальную ее фазу. Республики Алтай, Бурятия и Хакасия, а также Алтайский и Забайкальский края оставались в начальных фазах первичной стадии.

В целом СФО находился в 2010 г. на стадии первичной модернизации, в ее фазе зрелости. Он отставал от УФО, который поднялся в начальную фазу вторичной модернизации, но был сопоставим с Приволжским и Дальневосточным округами. Итак,

перед СФО стоят задачи завершения первичной, индустриальной модернизации и перехода к вторичной, информационной ее стадии. Отмеченная дифференциация модернизации предполагает адресный подход к проблемам развития каждого субъекта.

Технико-технологическая компонента. СФО богата природными ресурсами: 85% общероссийских запасов свинца и платины, 80% угля и молибдена, 71% никеля, 69% меди, 44% серебра, 40% золота. В 2012 г. объем добычи угля составил свыше 298 млн т (83,4% от совокупной добычи угля в России), а запасы древесины составляют 40,2% от совокупных запасов РФ.

Промышленность регионов СФО в значительной степени формировалась в рамках военно-промышленного комплекса. За последние два десятилетия оборудование обновлено не более чем на 12%. Наиболее успешно его обновление произошло в нефтехимической и нефтеперерабатывающих отраслях (от 20 до 40%). В то же время в каждом из регионов происходят промышленные и технологические аварии, нарушение экологической безопасности.

Социокультурная компонента. СФО имеет конкурентные преимущества при решении задач социокультурной модернизации по сравнению с западными и южными регионами России. При этом следует учитывать специфику менталитета сибиряков, который проявляет себя в независимости, самостоятельности, открытости новому, готовности к преодолению трудностей [Социокультурные процессы..., 2011: 96].

Как известно, для успеха модернизации очень важна роль высшего профессионального образования. Динамика численности студентов СФО в целом повторяет общероссийскую тенденцию уменьшения числа студентов, но имеет менее выраженный характер: с 2010 по 2012 гг. темп роста численности студентов составлял 0,93 (по России – 0,92), а среднее сокращение за этот период составило 5% в год (6,4% в год по России).

Вместе с тем существует отличие между жителями СФО и общероссийскими показателями уровня удовлетворенности своей жизнью в целом. Так, согласно всероссийскому мониторингу ЦИСИ (2010 г.), доля неудовлетворенных жизнью в СФО в два раза превышает аналогичный показатель по РФ в целом (5 и 10%, соответственно), доля не очень удовлетворенных – почти в полтора раза (21 и 32%), что превышает на 18 п. п. выше общероссийского показателя.

Пониженной удовлетворенности жизнью соответствует и меньшая уверенность жителей в своем будущем: если количество вполне уверенных совпадает с общероссийским (14%), то доля скорее неуверенных и совершенно неуверенных в своем будущем составляет 51% жителей, что существенно превышает показатель по России (28%). Это позволяет говорить о преобладании пессимистических жизненных установок среди жителей СФО над оптимистичными.

Существенно тормозит процессы модернизации Сибири рост смертности по социальным причинам. Средние ее показатели в Сибири были в начале 1990-х гг. выше российских значений на 17–18%, а к 2010 г. этот разрыв достиг 60%: “это просто локальная социальная катастрофа” [Попов, Чернышов, 2014а].

Согласно результатам исследования ВЦИОМ 2012 г., благоприятную обстановку на Востоке России видят лишь по 10% населения во всех целевых группах. При этом главный негативный фактор, который отмечает почти половина сибиряков и дальневосточников, – дороговизна жизни (46%). Из-за всего этого 40% жителей регионов Сибири и Дальнего Востока рассматривают возможность покинуть эти территории. Из них около 60% намерены уехать в другой город России, а 20% – вообще в другую страну (еще 23% точно собрались ретироваться, но пока не решили куда). Люди, судя по опросу, едут прежде всего за высокими зарплатами (и это из Сибири, где уровень жалованья традиционно был существенно выше, чем в остальной стране), но, что еще важнее, – за карьерными перспективами. Талантливые люди упираются в “потолок карьеры”, в преодоление которого они не верят. Половина опрошенных уверена, что успех Сибири и Дальнему Востоку принесет сотрудничество с Китаем и Японией (треть

студентов в числе приоритетных партнеров назвали еще и США). На российский бизнес надеются лишь 10% сибиряков [Попов, Чернышов, 2014a].

Население из Сибири уезжает: “Если Россия в целом с 1989 по 2010 г. потеряла 3,5% населения, то СФО – 8,6%” [Попов, Чернышов, 2014b]. Среди регионов СФО наибольшая миграционная убыль наблюдалась в Иркутской области, где число выехавших в другие государства и регионы РФ превысило прибывших на 3594 человека. Кроме того, наибольший миграционный прирост сложился в Новосибирской области (5624 человека), а также отмечен в Красноярском крае, Томской области, Хакасии и Республике Алтай [Из Сибири..., 2014].

Важным показателем социального неблагополучия является смертность по социальным причинам. “Самое большое число смертей по социальным причинам – самоубийства, случайные отравления алкоголем – зафиксировано в Сибирском федеральном округе – 58,8 смертей на 100 тыс. населения, что более чем в 1,5 раза превышает среднероссийские показатели... динамика смертности населения по социальным причинам за последние 20 лет, с 1990 по 2010 г. несколько снизилась в 4 федеральных округах (ЦФО, СЗФО, ЮФО, УФО), в 3 округах (ПФО, СФО, ДФО) наблюдается увеличение в сравнении со средними для России значениями; в СФО он [показатель] увеличился на 42,6 процентных пункта – с 117,1 % (1990 г.) до 159,7 % (2010 г.)” [Ефимов, 2013: 268].

Институционно-регулятивная компонента модернизации рассмотрена в трех аспектах: активность и правомерность поведения населения; научная обоснованность стратегии, программ, проектов социокультурных изменений; эффективность деятельности органов управления.

Первый аспект характеризуется *экономической занятостью и инновационной активностью, состоянием правопорядка и правонарушений. Экономическая занятость* снижается вследствие “старения” населения, сокращения числа занятых на одного пенсионера (в среднем за год). Занятость в СФО составляла 66,6% в 2012 г. по сравнению с 68,7% по России; этот показатель продолжает снижаться с 2010 г., в отличие от общероссийской тенденции роста. В то же время, по данным выборочных обследований занятости, в 2012 г. уровень безработицы в Сибирском федеральном округе составил 7,1%, что ниже аналогичного показателя в 2011 г. (8,1%), но значительно превышает общероссийский показатель (5,5%). В разных регионах СФО уровень безработицы варьирует от 5,5% в Красноярском крае до 18,4% в Тыве. Доля безработных с высшим и средним профессиональным образованием в СФО ниже, чем в целом по России, в то время как доля безработных, имеющих только основное общее образование либо не имеющих образования вообще – наоборот, превышает общероссийский уровень, соответственно, на 3,8 п. п. и 0,5 п. п. Это позволяет сделать вывод о повышенной значимости образовательного фактора в сфере занятости для населения СФО.

Состояние *правопорядка и правонарушений* характеризуется тем, что СФО продолжает занимать первое место по количеству преступлений на 100 тыс. чел. Хотя этот показатель ежегодно снижается, в 2012 г. он превысил общероссийское значение на 31,6% и на 173,3% – минимальное его значение среди всех округов, фиксированное в Северо-Кавказском ФО. Наиболее высокий уровень преступности отмечен в Забайкальском крае и в Иркутской области (2851 и 2481 преступление на 100 тыс. чел., соответственно), которые занимают первые места по данному показателю среди всех субъектов РФ. Самый низкий уровень преступности в Сибирском ФО, начиная с 2008 г., регистрируется в Омской области (1538 на 100 тыс. чел., что на 4,3% ниже общероссийского уровня). Аналогичная тенденция наблюдается в отношении преступлений несовершеннолетних или при их участии. В 2012 г. на территории СФО зарегистрировано 14271 преступление данного вида, что на 11,2% ниже значения 2011 г., но составляет 22,2% таких преступлений в России.

Эффективность органов управления. В округе накоплен опыт научного обоснования необходимых изменений. Регион обладает научным потенциалом (научные центры СО РАН разработали имитационные и нормативные модели разного уровня

пространственной иерархии) [Социально-экономическое развитие..., 2013]. Однако этот потенциал, включая названную выше программу [Распоряжение Правительства..., 2010] и ассоциации [Ассоциация сибирских..., 2014], не востребованы в реальном управлении в должной степени.

Существуют документы, в которых представлены проекты реализации развития СФО на среднесрочную перспективу. Опубликованы работы отечественных учёных, раскрывающих пути развития данного макрорегиона России (см.: [Ефимов, 2013: 124] и др.) Есть и многолетний положительный опыт межрегионального сотрудничества с целью изучения и решения проблем в рамках ассоциации “Сибирское соглашение” [Межрегиональная ассоциация..., 2014].

Официальная стратегия социально-экономического развития СФО и реальность. Основным документом институционального регулирования модернизации СФО стала Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года [Распоряжение Правительства..., 2010]. Она разработана с учетом Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.

Стратегической целью провозглашено повышение уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа и доведение основных показателей СФО до среднероссийских значений. Отставание многих из них по сравнению с общероссийским уровнем связано со специфическими вызовами и угрозами, которые приходится преодолевать в процессе развития. К таким вызовам относятся резкие изменения цен на мировых рынках сырья; суровые климатические условия; чрезмерная ориентация экономики на внешние рынки; неблагоприятная институциональная среда и транспортная удаленность от развитых регионов страны и мира. К 2021 г. планируется провести модернизацию экономики на инновационной основе, завершить реализацию приоритетных проектов транспортного и энергетического строительства, крупных ресурсных проектов, добиться создания комфортной среды жизнедеятельности населения. По сравнению с 2008 г. (в ценах 2008 г.) предполагается увеличить валовый региональный продукт в 1,6 раза, промышленное производство – в 1,45–1,55 раза, инвестиции – в 2,3 раза, заработную плату и среднедушевые доходы – почти в 1,8 раза.

Вместе с тем важнейшие положения “Стратегии...” рискуют остаться благими пожеланиями. Как отмечают экономисты СО РАН, «утвержденную правительством Российской Федерации стратегию при всей ее важности, актуальности и прогрессивности следует считать в большей степени идеологическим документом, в котором сконцентрирована позиция власти и научного сообщества в отношении перспектив развития этого макрорегиона. Наличие стратегии макрорегиона не связано напрямую с выделением федерального финансирования на конкретные мероприятия. Стратегия не является элементом Бюджетного кодекса Российской Федерации (в отличие от федеральной целевой программы), и средства на ее реализацию невозможно проводить через официальные статьи государственного бюджета. Поэтому логическими шагами по развертыванию конкретных работ по реализации Стратегии должно быть следующее: 1) ускорение принятия плана мероприятий по реализации Стратегии; 2) разработка и утверждение новой Федеральной целевой программы “Реализация Стратегии социально-экономического развития Сибири”» [Социально-экономическое развитие..., 2013: 446].

Нельзя не учитывать также дефицит региональных бюджетов практически всех регионов СФО. Один из его факторов – существующая налоговая политика. 4 сентября 2013 г. спикер Законодательного собрания Красноярского края А. Усс сделал сенсационное признание: «Региональный бюджет этого года не может быть исполнен по причине нехватки средств. Даже нет ясности, какой суммы ему не достает. Разброс называется в пределах от 4 до 14 млрд рублей. Такой ситуации не было даже в 90-е годы, когда в крае еще не действовали крупные инвестиционные проекты, а доходы региона были в несколько раз меньше. Причины приближающегося краха всем

понятны. Первая – известные “майские” указы президента о повышении зарплаты бюджетникам за счет регионов, вторая – налоговая политика федерального центра, при которой субъектам РФ “нет никакого смысла зарабатывать больше”» [Красноярский край..., 2014]. Специалисты экспертно-правового управления ЗС дают более мрачные прогнозы: верхний предел государственного долга края уже к концу 2015 г. может достичь 90,3 млрд руб., или 60% собственных доходов краевого бюджета [Красноярский край..., 2014]. Подобная ситуация наблюдается во всех регионах СФО.

“Анализ статистики последних двух десятилетий показывает, что Сибирь с каждым годом играет все меньшую роль в экономике, культуре и общественных процессах России. Макрорегион становится все более низкообразованной и криминальной периферией страны” [Ефимов, 2013]. Согласно этим исследованиям вклад Сибири в валовой продукт страны за последние 14 лет снизился с 13 до 10,6% от общероссийского показателя (вклад такого в прошлом промышленного гиганта, как Красноярский край, сократился на 25%). Если в 1998 г. регионы СФО экспортировали 13% общероссийской продукции, то в 2010 г. — только 9,5%; вклад Красноярского края за этот период в российский экспорт уменьшился почти на 40%.

Не секрет, что большая часть предприятий СФО создавалась с целью удовлетворения потребностей других, прежде всего западных регионов страны. Соответственно, внутрирегиональный рынок, сам по себе малоёмкий, в условиях распада хозяйственных связей оказался не в состоянии заменить традиционных потребителей. Это во многом привело к закрытию существовавших ранее предприятий и к деиндустриализации.

На основании проанализированных данных можно сделать вывод, что модернизация Сибири, над которой продолжает тяготеть “ресурсное проклятье”, осуществляется несбалансированно и заторможено. Трудно не согласиться с мнением Н.И. Лапина, согласно которому “спонтанность, заторможенность и разбалансированность процессов модернизации – следствие незавершённости трансформации: сохранились ситуативно узаконенные в 90-х годах нормы, по которым сотня олигархов безнаказанно и даже почти беспощинно выкачивает результаты труда миллионов россиян в сверхприбыльные оффшорные дыры глобальной экономики” (подробнее см.: [Лапин, 2013: 343]).

Имеющиеся попытки институционализации субъектов управления (Ассоциация сибирских и дальневосточных городов (АСДГ), образованная в 1986 г. в целях содействия социально-экономическому развитию муниципалитетов, организации местного самоуправления и межмуниципальному сотрудничеству) лишь подчёркивают эту потребность. Разработанные программные документы развития Сибири не находят должного воплощения ввиду отсутствия связи конкретных целевых показателей программы с бюджетом и, как следствие, с финансовыми возможностями субъектов управления на местах. Нельзя назвать достаточным информационное обеспечение управления Сибирью (этим частично объясняется и сравнительно низкая транспарентность процессов принятия решений, ответственность за их реализацию).

Недостаточная транспарентность управления порождает снижение вовлечённости предпринимателей, научных центров, институтов гражданского общества в управление, а это, в свою очередь, становится ограничением социокультурной модернизации, снижая востребованность её человеческого капитала, искажая ценности, характер межличностных и социальных доверительных взаимоотношений.

В результате, несмотря на высокие средние значения основных показателей модернизации по сравнению с другими регионами страны, потенциал большинства сибирских регионов в значительной степени исчерпан. При сохранении существующего положения возможна рецессия ряда регионов Сибири от вторичной модернизации к первичной и, более того, их дальнейшей демодернизации и превращения СФО в территорию, которая полностью сосредоточена на эксплуатации уже созданных ранее условий первичной модернизации. Продолжающийся финансово-экономический кризис лишь подстегнёт негативные процессы в этой сфере. Что же касается социо-

культурной компоненты модернизации, то Сибирь явно отстаёт от страны в целом, особенно от её западных регионов.

Не случайно В.В. Путин в ежегодном Послании Федеральному Собранию отметил, что «ресурсы и государства, и частного бизнеса должны идти на развитие, на достижение стратегических целей. Например, таких, как подъём Сибири и Дальнего Востока. Это наш национальный приоритет на весь XXI век. Задачи, которые предстоит решить, беспрецедентны по масштабу, а значит, и наши шаги должны быть нестандартными» [Президент: подъем Сибири..., 2014].

Об этапах интегрированной модернизации СФО. В таблице эволюция модернизации 12 регионов СФО дифференцирована весьма детально – в виде спектра из шести векторов. Крайние векторы этого спектра (№1 и № 6) означают высокую стабильность, даже стагнацию начальных фаз первичной и вторичной стадий модернизации. Центром или ядром всего спектра служит вектор № 3: заторможенное повышение первичной (индустриальной) модернизации. Это заторможенность перед высокими барьерами четвертой фазы ПМ – фазы перехода к вторичной, информационной стадии модернизации. Данный вектор характерен для СФО в целом. Более того, в 2010 г. он был характерен еще для двух федеральных округов – Приволжского и Дальневосточного, а всего – для 23-х регионов России. Продвижение этих, возможно, и других регионов в следующую, четвертую фазу ПМ означает качественное изменение модернизованности – *переход большинства субъектов и федеральных округов РФ во вторичную стадию модернизации*, в ее начальную и следующие фазы.

Такой переход означает развитие собственных (эндогенных) информационных технологий и широкое их использование во всех секторах хозяйства, повышение качества жизни, доступности и качества образования, развитие научных исследований, рост престижа ценностей изобретательства, заявок на получение патентов, формирование массовых движений за сохранение и восстановление природы и культурного ландшафта. Одновременно должны развиваться и компоненты аграрной цивилизации.

Анализ модернизационных процессов мог бы быть более детальным и разносторонним, но решение этой задачи сдерживается отсутствием достоверных статистических данных. Можно предложить следующий вариант *стратегии поэтапной интегрированной модернизации СФО*.

Этап 1. Целесообразно создать координирующий центр по модернизации Сибири (наподобие министерств по развитию Северного Кавказа, Крыма, Дальнего Востока). Вначале сконцентрировать ресурсы для дополнительных инвестиций в экономическое и когнитивное развитие регионов вектора № 3: Красноярский край, Иркутская, Омская области, способные сформировать инновационную специализацию своих технопарков, научно-технических центров, относительно быстро преодолеть барьер завершающей, переходной фазы ПМ и войти в начало ВМ. Это позволит СФО в целом перейти в подготовительную фазу вторичной модернизации.

Этап 2. Сконцентрировать усилия – как управленческие, так и финансовые – на развитии отстающих регионов (векторы № 1 и № 2): республики Алтай, Бурятия, Хакасия, Алтайский и Забайкальский края; помочь им перейти в фазу 3 ПМ, с полным учетом их цивилизационно-культурных особенностей.

Этап 3. В качестве следующего этапа сосредоточить усилия на преодолении неоправданного зстоя Новосибирской области в фазе зрелой первичной модернизации (вектор № 4) и системного вхождения этого региона в стадию вторичной модернизации.

Этап 3а. Приоритетными становятся регионы векторов № 5 и 6 (Кемеровская и Томская области), которые уже на предыдущих этапах устойчиво продвигаются по фазам ВМ.

В итоге СФО в целом переходит в достаточно высокую фазу начала вторичной модернизации, присущую модернизации Центрального и Северо-Западного федеральных округов РФ в 2010 г.

Выводы. Необходимо разработать и реализовать совершенно новое направление развития как всего СФО, так и его регионов. Ситуация такова, что придётся, не ломая традиций, продолжать развитие ресурсноориентированной экономики Сибири, но при этом придать ей максимально инновационный характер, с учётом специфики каждого региона. Данная территория в целом должна быть привлекательной для проживающего на ней населения, жителей других регионов России, для выходцев из ближнего и дальнего зарубежья, которые захотят стать сибиряками.

Отметим, что внутри каждого субъекта СФО имеется значительная дифференциация состояния модернизации (а следовательно, и актуальных задач): в разрезе крупных промышленных центров, малых городов и сёл. Например, показатели рынка труда имеют существенную специфику в областных центрах и на периферии. Принимая во внимание задачу повышения доступности и качества образования, развития научных исследований, необходимо, опираясь на сложившийся потенциал областных центров и близлежащих наукоградов (Томск, Новосибирск), развивать инфраструктуру трансляции знаний и технологий в рамках первичной модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассоциация сибирских и дальневосточных городов (АСДГ) / Официальный сайт Ассоциации. URL: <http://www.asdg.ru/about/> (дата обращения: 06.10.2014).
- Ефимов В.С., Ефимов А.В.* Макрорегион Сибирь в постсоветской России: анализ социально-экономических показателей // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития / *А.В. Усс, В.Л. Иноземцев, Е.А. Ваганов* [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. С. 248–290.
- Из Сибири в январе–июне уехало более 6 тыс. человек // Интерфакс Россия. 2 сентября 2013 г. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/print.asp?id=429867&sec=1671&type=n> (дата обращения: 14. 01.2014).
- Красноярский край занимает, чтобы отдать // Российское информационное агентство Федерал Пресс. 17.09.2013. URL: <http://fedpress.ru/news/econom/reviews/1379420913-krasnoyarskii-krai-zanimaet-chtoby-otdat> (дата обращения: 27.04.2014).
- Лапин Н.И.* Через завершение трансформации – к интегрированной, социокультурно сбалансированной модернизации // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост., общ. ред. *Н.И. Лапин, Л.А. Беляева*. М.: Academia, 2013. С. 337–355.
- Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ “Сибирское соглашение”. URL: <http://www.sibacc.ru/> (дата обращения: 16.05.2004).
- Немировский В.Г.* Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России (2010–2012 гг.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012.
- Паспорт Сибирского федерального округа // Сибирский федеральный округ. URL: <http://www.sifbo.ru/passport/sfo.php> (дата обращения: 27.04.2014).
- Попов А., Чернышов С.* Мёртвый восток // Эксперт. № 30–31 (861). 29 июля 2012 г. URL: <http://expert.ru/expert/2013/31/mertvyy-vostok/> (дата обращения: 27.04.2014а).
- Попов А., Чернышов С.* Нужен нацпроект // Expert Online. 22 июня 2012. URL: <http://expert.ru/2012/06/22/im-nuzhen-natsproekt> (дата обращения: 27.04.2014б).
- Президент: подъем Сибири и Дальнего Востока – национальный приоритет на весь XXI век // ИТАР-ТАСС. 12 декабря 2013 г. URL: <http://itar-tass.com/politika/828512> (дата обращения: 27.04.2014).
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 1120-р “Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года”.
- Социально-экономическое развитие Сибири в системе российских и мирохозяйственных связей (В.В. Кулешов, В.Е. Селиверстов, В.И. Суслов, С.А. Суспицын) // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / Отв. ред. *В.М. Котляков*. М.: Медиа-Пресс, 2013.
- Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009–2011 гг.): монография / Отв. ред. *А.В. Немировская*. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011.